

УДК 81'42

СПОСОБЫ РАЦИОНАЛЬНОГО УСИЛЕНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В ПИСЬМЕННОМ ДИСКУРСЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (ОПИСАНИЕ И ОЦЕНКА)

Т. Н. САВЧУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты дескриптивно-нормативного анализа проблемы рационализации гуманитарной аргументативной практики. На материале русско- и белорусскоязычных текстов, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, выявляются и систематизируются способы интенсификации рационального воздействия в письменном дискурсе гуманитарных наук. Средства рационального усиления аргументации дифференцируются на трех уровнях анализа дискурса: структурном, репрезентационном и метатекстовом. Установлено, что в качестве приемов структурного усиления выступают систематизация изложения, использование сложных аргументативных структур, а также применение особых способов структурирования аргументации (повтор, градация и период). Показано, что репрезентационное усиление аргументации осуществляется вербально путем логико-смыслового акцентирования (языковой маркировки конститuentов аргументации, ее форм, схем, структур; расстановки логических акцентов с помощью языковых интенсификаторов; введения в дискурс средств интеллектуальной оценки) и невербально за счет различных форм визуализации (таблицы, схемы, графики, рисунки, фотографии и пр.). Отмечено, что метатекстовая рационализация происходит с помощью типографических средств (шрифтовое варьирование, подчеркивание, разные типы скобок, символические обозначения, верти-

Образец цитирования:

Савчук ТН. Способы рационального усиления аргументации в письменном дискурсе гуманитарных наук (описание и оценка). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;1:16–29.

For citation:

Savtchouk TN. Methods for rational strengthening of argumentation in the written discourse of human sciences (description and evaluation). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;1:16–29. Russian.

Автор:

Татьяна Николаевна Савчук – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры прикладной лингвистики филологического факультета.

Author:

Tatiana N. Savtchouk, doctor of science (philology), docent; professor at the department of applied linguistics, faculty of philology.
tatyana.s77@list.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2646-3543>

кальные и горизонтальные пробелы и др.). Воздействующий эффект указанных приемов объясняется их способностью системно представить аргументативное содержание, а также сформировать рациональную эстетику научного продукта, отвечающую ожиданиям воспринимающего субъекта письменного гуманитарного дискурса. Подчеркивается, что условия эффективности разноуровневых средств рационализации определяются их типологической принадлежностью и объективностью их критического анализа предусматривает учет широкого контекста и ситуативных факторов. Делается вывод, что значимую роль в усилении аргументативного воздействия научной публикации играет кооперация автора статьи и редакции научного издания.

Ключевые слова: аргументация; рациональное воздействие; аргументативная структура; аргументативный вербализатор; письменная научная коммуникация; дискурс гуманитарных наук.

СПОСАБЫ РАЦЫЯНАЛЬНАГА ўЗМАЦНЕННЯ АРГУМЕНТАЦЫЇ ў ПІСЬМОВЫМ ДЫСКУРСЕ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК (АПІСАННЕ І АЦЭНКА)

Т. М. САЎЧУК^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прадстаўлены вынікі дэскрыптыўна-нарматыўнага аналізу праблемы рацыяналізацыі гуманітарнай аргументатыўнай практыкі. На матэрыяле руска- і беларускамоўных тэкстаў, апублікаваных у рэцэнзуемых навуковых выданнях, выяўляюцца і сістэматызуюцца спосабы інтэнсіфікацыі рацыянальнага ўздзеяння ў пісьмовым дыскурсе гуманітарных навук. Сродкі рацыянальнага ўзмацнення аргументацыі дыферэнцыруюцца на трох узроўнях аналізу дыскурсу: структурным, рэпрэзентацыйным і метатэкставым. Устаноўлена, што ў якасці прыёмаў структурнага ўзмацнення выступаюць сістэматызацыя выкладу, выкарыстанне складаных аргументатыўных структур, а таксама прымяненне асаблівых спосабаў структуравання аргументацыі (паўтор, градацыя і перыяд). Паказана, што рэпрэзентацыйнае ўзмацненне аргументацыі ажыццяўляецца вербальна шляхам логіка-сэнсавага акцэнтавання (моўнай маркіроўкі канстытуентаў аргументацыі, яе форм, схем, структур; расстаноўкі лагічных акцэнтаў з дапамогай моўных інтэнсіфікатараў; увядзення ў дыкурс сродкаў інтэлектуальнай ацэнкі) і невербальна за кошт розных форм візуалізацыі (табліцы, схемы, графікі, малюнкi, фатаграфіі і інш.). Адзначана, што метатэкставая рацыяналізацыя адбываецца з дапамогай друкарскіх сродкаў (шрыфтавае вар'іраванне, падкрэсліванне, розныя тыпы дужак, сімвалічныя пазначэнні, вертыкальныя і гарызантальныя прабелы і інш.). Пэўны прагматычны эффект названых прыёмаў тлумачыцца іх здольнасцю сістэмна прадставіць аргументатыўны змест, а таксама сфарміраваць рацыянальную эстэтыку навуковага прадукту, якая адпавядае чаканням рэцыпіента пісьмовага гуманітарнага дыскурсу. Падкрэсліваецца, што ўмовы эфектыўнасці рознаўзроўневых сродкаў рацыяналізацыі вызначаюцца іх тыпалагічнай прыналежнасцю і аб'ектыўнасць іх крытычнага аналізу прадугледжвае ўлік шырокага кантэксту і сітуацыйных фактараў. Робіцца выснова, што значную ролю ва ўзмацненні аргументатыўнага ўздзеяння навуковай публікацыі адыгрывае кааперацыя аўтара артыкула і рэдакцыі навуковага выдання.

Ключавыя словы: аргументацыя; рацыянальнае ўздзеянне; аргументатыўная структура; аргументатыўны вербализатор; пісьмовая навуковая камунікацыя; дыкурс гуманітарных навук.

METHODS FOR RATIONAL STRENGTHENING OF ARGUMENTATION IN THE WRITTEN DISCOURSE OF HUMAN SCIENCES (DESCRIPTION AND EVALUATION)

T. N. SAVTCHOUK^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article presents the results of a descriptive and normative analysis of the problem of rationalising of humanitarian argumentative practice. Based on the material of Russian and Belarusian language texts published in peer-reviewed scientific journals, methods of intensifying rational influence in the written discourse of the humanities are identified and systematised. The means of rational strengthening of argumentation are differentiated at three levels of discourse analysis:

structural, representational, and metatextual. It has been established that the methods of structural strengthening are: systematisation of presentation; the use of complex argumentative structures; the use of special methods of structuring the argumentation (repetition, gradation, period). It is shown that the representational strengthening of argumentation is carried out verbally and non-verbally. Verbal methods are the following: logical-semantic accentuation (linguistic marking of the constituents of argumentation, its forms, schemes, structures; logical accents using language intensifiers; introduction of means of intellectual assessment into discourse). Non-verbal intensification is carried out due to various forms of visualisation (tables, diagrams, graphs, drawings, photographs, etc.). It is noted that metatextual rationalisation occurs with the help of typographic means (font variation, underlining, different types of brackets, symbolic designations, vertical and horizontal spaces, etc.). The influencing effect of these techniques is explained by their ability to present systematically argumentative content, as well as to form a rational aesthetics of a scientific product that meets the expectations of the perceiving subject of written humanitarian discourse. It is emphasised that the conditions for the effectiveness of multi-level means of rationalisation are determined by their typological affiliation and that the objectivity of their critical analysis involves taking into account a wide context and situational factors. It is concluded that the cooperation of the author of the article and the editorial office of the scientific publication plays a significant role in enhancing the argumentative impact of a scientific publication.

Keywords: argumentation; rational impact; argumentative structure; argumentative verbaliser; written scientific communication; discourse of the humanities.

Введение

Характерным признаком научного дискурса, аргументативного по своей природе, выступает приоритет рациональности. Это означает, что в достижении перлокутивного эффекта научной аргументации (принятии адресатом пропонируемой точки зрения) доминантная роль отводится логико-лингвистическим средствам – таким, которые способны воздействовать на сознание и подконтрольны ему. Данная установка полностью согласуется с пониманием рациональности (разумности) субъектов научной коммуникации (аргументации) как способности пропонента осмысленно создавать аргументативный текст и способности реципиента критически оценивать аргументацию (см., например, [1–3]). Результат этой оценки служит показателем степени эффективности аргументативной деятельности. Отсюда естественное стремление исследователя-аргументатора рационально усилить обоснование.

Предполагается, что способы усиления аргументативного воздействия зависят от того, в каком социально-коммуникативном контексте оно осуществляется. Интерес в этом плане представляет дискурс гуманитарных наук, обладающий специфической научной рациональностью. Имплицитность (невыраженность) аргументативных конструкций, совмещение их с квазиаргументативными структурами (нарративы, объяснения, комментарии, уточнения), нефиксированность конститuentов аргументации (тезис и доводы), непоследовательность их вербализации, субъективная оценочность – все эти свойства гуманитарного дискурса отдают его от дискурса научного, затрудняют анализ и оценку научно-гуманитарной продукции (подробно см., например, [3, с. 100–117]). В такой ситуации актуализируется проблема рационализации гуманитарной аргументативной практики. Данная проблема включает ряд важных вопросов: какие средства рационального усиления аргументации применимы в научном гуманитарном дискурсе? каковы возможные способы их систематизации? каков их прагматический потенциал? каковы критерии их оценки?

Несмотря на очевидную значимость, указанные вопросы до настоящего времени не входили в проблемное поле лингвоаргументологических исследований, тем более не становились предметом специального обсуждения представителями иных языковедческих дисциплин. В рамках различных интеллектуальных направлений затрагиваются лишь отдельные аспекты, касающиеся усиления рациональной составляющей научно-гуманитарной коммуникации. Так, в работах по науковедению при рассмотрении общих требований к научному дискурсу и отдельным его жанрам фиксируются некоторые оценочные критерии рациональности [4–6]. Функциональная специфика вербальных средств, участвующих в оформлении научного рассуждения и так или иначе выступающих в роли показателей аргументирования, рассматривается в дискурсивной стилистике [7–9]. Способы неязыкового представления информации, релевантные для науки, изучаются в контексте проблем социальной семиотики [10] и невербальной (визуальной) семиотики [11–14]. Комплекс средств несловесного аргументирования в различных коммуникативных пространствах выступает объектом визуальной и мультимодальной аргументации [15–17]. Анализ источников, в той или иной степени связанных с темой данной статьи, позволяет получить важные, но фрагментарные сведения, нуждающиеся в целостной – аргументологической – интерпретации.

Лингвоаргументологический подход к исследованию приемов рационализации дискурса гуманитарных наук был впервые представлен в авторской – конвергентной – теории (см. [3]), при этом рассмотрение рационального усиления аргументации, квалифицированного как особая тактика, не входило в круг центральных теоретических задач. Представляется, что на данном этапе обозначенная проблема приобрела особую актуальность, именно поэтому мы фокусируем на ней исследовательское внимание. Масштабирование проблемы влечет за собой углубление ее анализа, совершенствование первоначальной типологии, уточнение интерпретаций при расширении корпуса фактических данных. Предпринимаемые исследовательские действия нацелены на то, чтобы выявить, типологизировать и оценить приемы, способствующие рациональному усилению аргументативного воздействия в письменном дискурсе гуманитарных наук.

Материалы и методы исследования

Источником эмпирического материала послужили русско- и белорусскоязычные статьи по социологии, психологии, культурологии, лингвистике и журналистике, опубликованные в 2001–2021 гг. в рецензируемых научных изданиях.

Данное исследование развивает конвергентную концепцию, а значит, является междисциплинарным и совмещающим описательное и нормативное измерения аргументации. Интеграция дескриптивного и критического подходов достигается за счет привлечения соответствующих методов: описания, контекстуального и функционального анализа, с одной стороны, а также синонимических (структурных и семантических) преобразований, реконструкции и пропозиционального анализа – с другой.

Результаты и их обсуждение

Общим основанием для рационального усиления научной аргументации выступает принцип рациональной эффективности, в соответствии с которым «убедительность (доказательность) обоснования обеспечивается системностью структурирования, точностью, ясностью изложения, целесообразностью коммуникативного поведения» [3, с. 192]. В результате исследования установлено, что способы интенсификации аргументативного воздействия в письменной гуманитарной научной практике различаются на трех уровнях анализа аргументативного дискурса: структурном, репрезентационном и мета-текстовом.

1. Структурная рационализация аргументирования предусматривает выбор определенных приемов построения научного дискурса. Эти приемы группируются нами с учетом их участия в следующих процедурах: 1) общей организации аргументативного текста; 2) формировании аргументативных конструкций; 3) создании специфических видов аргументативных структур.

1.1. Усилению рационального воздействия аргументации способствует **систематизация изложения**, которая проявляется в продуманном структурировании текста, соответствии его определенному плану. Это положение следует из требований к жанру научной статьи, предусматривающих «наличие жесткой структурной заданности» [5, с. 7], «выверенную аналитическую работу и оптимальное структурирование информации» [6, с. 63]. Признание данных нормативных критериев находит отражение в редакционной политике большинства современных научных журналов, обязывающей авторов структурировать свои тексты. В одних случаях предлагается использовать простейший вариант композиционного членения с выделением стандартных разделов (как, например, в научных журналах Белорусского государственного университета): *Введение*, *Материалы и методы исследования* (*Теоретические основы исследования*), *Результаты и их обсуждение*, *Заключение*¹. В других ситуациях авторам предоставляется право самостоятельно выбирать способы структурной организации статей и формулировки названий их составных частей (разделов, подразделов и др.).

При оценке структуры научной статьи важно учитывать, какой вид плана (простой или сложный) используется. Так, если раздел *Результаты и их обсуждение* (совпадающий, как правило, с основной частью статьи) не имеет внутренней дифференциации, это не приводит к усилению воздействующего эффекта, на который рассчитан аргументативный текст. В свою очередь, соответствие изложения сложному плану (выделение пунктов, подпунктов в указанном разделе) интенсифицирует рациональное воздействие, поскольку создает впечатление последовательной и глубокой проработки проблемы (за счет детализации внутренних связей между аспектами проблемы). Это отвечает потребности адресата научного текста в системном восприятии информации (сообщения): в научно-гуманитарной практи-

¹Здесь наблюдается очевидная корреляция с универсальной (трехчастной) композиционной схемой, разработанной в античной риторике.

ке (как в любой убеждающей речи) «хорошо продемонстрированная логика служит самостоятельным аргументом»² [4, с. 14].

Отметим следующую закономерность: отсутствие структурирования негативно сказывается на восприятии научной публикации (аргументации), однако наличие структурных частей в аргументативном тексте не гарантирует его качество (не служит его показателем). Здесь важно учитывать, что оценка научной аргументации не ограничивается формальными критериями, а предполагает анализ содержательного наполнения выделенных в тексте частей (пунктов плана). Показательно в этом контексте мнение Г. Г. Хазагерова: «Широко понимаемая логичность – лучшая защита от фактов. Можно быть сколь угодно последовательным, не касаясь неудобных вопросов (альфа и омега демагогии), но можно быть последовательным, не касаясь вообще никаких вопросов (ноу-хау пустословия, лептологии)... Логичность нисколько не противоречит банальности, а симметрия успешно камуфлирует последнюю» [4, с. 15]. Полностью разделяя эту точку зрения, уточним лишь понятие логичности: в приведенной цитате логичность понимается не широко, а, напротив, узко – как внешняя логика (последовательность формы изложения). Логичность же в широком (точнее, адекватном) смысле предусматривает соблюдение основных законов логики и, соответственно, определенность, последовательность, непротиворечивость, обоснованность (см. подробнее [18, с. 130–158]).

Наш исследовательский опыт дает основание утверждать, что примеры того, как внешняя (формальная) «логичность» прикрывает отсутствие новых научных идей (разного рода «банальности»), а также «камouflрует» псевдонаучные рассуждения, можно обнаружить без труда, пожалуй, в любом научном издании, даже с ненулевым импакт-фактором (см., например, ВТГУ-1).

1.2. Еще одним способом рационализации гуманитарного дискурса служит **использование сложных аргументативных структур** – подчинительной, сочинительной, множественной (их характеристику см. в [19, р. 73–92]). Участие комплекса посылок в формировании аргументативных конструкций увеличивает их убеждающий потенциал. Такой воздействующий эффект демонстрирует следующий пример:

(1) Для развития информационного общества необходимо расширять горизонтальные и сетевые структуры (Т). Они **открывают новые возможности для инициативы каждого гражданина** ($A_1 = T_1$), а это огромный ресурс для среднего и малого бизнеса (A_2), **для того, чтобы новые идеи не только быстро рождались, но и быстро реализовывались** (A_3) (ВМУ-2, с. 11).

Автор статьи по журналистике в примере (1) для поддержки основного тезиса использует несколько доводов (отмечены нижними индексами переменных), относящихся к подчинительной и сочинительной структурам³.

1.3. Рациональное усиление достигается за счет **применения особых способов структурирования аргументации**. Для их обозначения мы вводим следующие термины по аналогии с названиями риторических фигур: аргументативный повтор, аргументативную градацию и аргументативный период (см. [3, с. 172–174; 20]). Эти приемы «выделяются на фоне стандартных конструкций и связаны с возможностью комбинирования конститuentов аргументации – тезиса и доводов – внутри сложных структур» [20, с. 188].

Аргументативный повтор – многократное повторение одного и того же тезиса и (или) довода в разных формах.

(2) **Без специальных заняткаў** (Т) адносіны да падзей мінулага пачынаюць **пагаршацца...** (A_1) **Без карэкцыйна-педагагічных заняткаў** (Т) узровень самаацэнкі **зніжаецца...** (A_2) **Пра неабходнасць карэкцыйна-педагагічнай работы** (Т) **сведчыць і адзначанае пагаршэнне без спецыяльных мерапрыемстваў** (Т) у сферы сяброўскіх узаемаадносін (A_3) (ВБДПУ, с. 49).

Этот фрагмент статьи по психологии представляет собой прагматическую разновидность каузальной аргументации. В примере (2) имеет место четырехкратное повторение тезиса *Необходна праводзіць карэкцыйна-педагагічную работу са старшакласнікамі з цяжкімі парушэннямі маўлення*. Кроме того, используется трехчленная сложная (сочинительная) структура. Благодаря такому построению аргументирующего рассуждения его воздействие интенсифицируется.

Аргументативная градация – расположение доводов сложной аргументации в порядке усиления их значимости. Этот прием характерен для регрессивной формы аргументации (тезис предшествует

²Положение, согласно которому важную роль в убедительности рассуждения (в частности, публичной речи) играет его построение (композиционная соразмерность, пропорциональность частей, симметрия изложения), рассматривается как общее место теории и практики ораторского искусства.

³Структурные отношения в аргументативном дискурсе идентифицируются благодаря языковым маркерам (вербализаторам). Для их выделения здесь и далее используется полужирный шрифт.

аргументам) и предполагает наличие репрезентационных вариантов. Общее представление об аргументативной градации дают следующие структурные схемы (примеры использования градационных структурных моделей в различных контекстах см. в [20]): рус. Т, *поскольку* А₁, А₂, *а главное* А₃; Т *не потому, что* А₁ *или* А₂, *и даже не потому, что* А₃, *дело в том, что* А₄; бел. Т *па той прычыне, што* А₁ *і* А₂, *звыш таго* А₃; Т, *наколькі* А₁ *або* А₂, А₃, А₄, *а ў канчатковым выніку* А₅.

Аргументативный период – конструкция, репрезентирующая определенный ритм мысли аргументатора. Она включает комплекс доводов, расположенных, как правило, в градационном порядке. Финальный довод, соответствующий кульминационной точке аргументации, сопровождается представлением пропонируемого тезиса. Эта структура применяется в случае прогрессивного построения аргументации (тезис следует за аргументами), что отражается в следующих моделях: рус. *Учитывая тот факт, что* А₁, *а также то обстоятельство, что* А₂, *можно прогнозировать* Т; бел. А₁, А₂, А₃, *Усё гэта сведчыць аб* Т. Аргументативный период характеризуется вариативностью (см. [20]).

2. Способы репрезентационного усиления аргументации дифференцируются в зависимости от того, каким образом кодируется содержание аргументативного дискурса. В письменной научно-гуманитарной коммуникативной практике манифестация обоснования происходит в двух формах – вербальной (словесной) и невербальной (визуальной), что позволяет говорить о применении в научных текстах соответствующих способов интенсификации убеждающего воздействия.

2.1. На вербальном уровне рациональное усиление аргументации осуществляется посредством **лого-смыслового акцентирования** – языкового выделения, подчеркивания тех элементов высказывания, которые семантически (концептуально) значимы с точки зрения аргументатора. Для гуманитарного дискурса характерно использование трех групп акцентирующих приемов.

Во-первых, это **вербальная маркировка конституентов аргументации, ее форм, схем, структур, стратегий, тактик**. Пропонент научной аргументации должен быть заинтересован в максимальной точности (адекватности) восприятия и понимания своего сообщения реципиентом. С этой целью в дискурс вводятся разного рода аргументативные вербализаторы. Так, для объективации тезиса в регрессивно оформленных рассуждениях употребляются языковые конструкции, прагматическая сила которых обеспечивается прямым выражением коммуникативного намерения аргументатора: рус. *Наша точка зрения заключается в том, что...*; *Я собираюсь обосновать тезис о том, что...*; *В статье выдвигается гипотеза о том, что...*; *Мы придерживаемся следующей теоретической позиции...*; бел. *Мы вылучылі наступны тэзіс...*; *Тэза маіх нататкаў...*; *Гіпотэзай з’яўляецца меркаванне аб тым, што...* и т. п.

Для маркировки тезиса в аргументации прогрессивной формы применяются языковые модели с обобщающим значением: рус. *На основании полученных результатов можно сделать следующий вывод...*; *Обобщая все сказанное выше, можно констатировать (заключить), что...*; *Таким образом (итак), можно сделать вывод о том (утверждать), что...*; бел. *Дадзеныя вынікі дазваляюць зрабіць выснову пра...*; *Такім чынам, мы прыйшлі да высновы, што...*; *Такім чынам, можна канстатаваць (сцвярджаць), што...*; *Такім чынам, праведзенае даследаванне дае нам падставу сцвярджаць, што...* и т. п.

Рационализации аргументирования способствует эксплицитное обозначение разных видов логико-прагматических связей в рамках аргументативных схем (классификационных, причинно-следственных, фактуальных, регулятивных) и структур (см. примеры (1) – (6)). Явным усиливающим потенциалом обладают маркеры иерархии доводов внутри сложных структур аргументации: рус. *как... так и... а главное; не только... но прежде всего; не просто... а почти; с одной стороны, это может быть обусловлено... с другой... и, наконец; во-первых... во-вторых... в-третьих... и, наконец; в первую очередь (прежде всего)... далее... наконец (в итоге)*; бел. *як... так і... а таксама; не толькі... але і; не проста... а зусім; акрамя таго, што... таксама; не столькі... колькі... больш таго; па-першае... па-другое... у рэшце рэшт (зрэшты); у першую чаргу (перш за ўсё)... далей... і ў выніку и др.*

Рациональное воздействие становится особенно интенсивным при сочетании в одном аргументативном контексте вербализаторов разных видов. Это демонстрируют следующие фрагменты дискурса:

(3) *Возвышение шаблонности до уровня универсальной ценности губительно не только для управленческой культуры, но и для культуры в целом. Она служит основанием для стандартизации мышления и восприятия любых отклонений, независимо от их содержания и потенциала, в качестве недопустимых, ненормальных и неприличных. В результате реальное развитие замещается его симулякрами. В условиях провинциальных регионов эта тенденция стимулируется косностью социокультурной среды, которая многократно усилилась в последние десятилетия в результате деградации культуры и образования, причины которой связаны, в том числе, и с бюрократизацией этих сфер* (НИК, с. 108).

В примере (3) маркируются каузальная (негативно-оценочная) схема аргументации, все виды сложных структур (сочинительная, множественная, подчинительная), градация аргументов, регрессивная и прогрессивно-регрессивная формы обоснования, стратегия подтверждения (обращение к реальности), тактика сближения с адресатом (рациональное объяснение).

(4) *Адрозненні ў магчымасцях валодання падобнымі тэхналогіямі **вызначаюцца сёння паняццем інфармацыйнай, або лічбавай, няроўнасці, якая разумеецца як новы від сацыяльнай дыферэнцыяцыі. У глабальным кантэксце дадзеная дыферэнцыяцыя здольна выклікаць няроўнасць паміж людзьмі, краінамі і рэгіёнамі свету ў сферы найноўшых тэхналагічных распрацовак, што ў сваю чаргу прывядзе да далейшага паглыблення эканамічнай і сацыяльнай няроўнасці і ў выніку – да росту нестабільнасці як у асобных дзяржавах, так і ў свеце ў цэлым*** (ВНАНБ-2, с. 8).

В примере (4) вербализуются дефинитивная и причинно-следственная схемы обоснования, подчинительная и сочинительная структуры, регрессивная форма аргументации, подтверждающая тактика – апелляция к реальности.

Интеллектуальному усилению аргументации способствует экспликация познавательного, логического и фактического статуса суждений за счет введения маркеров модальностей – эпистемической (рус. *установлено, известно, показывает, демонстрирует, подтверждает, свидетельствует, доказывает, подтверждение, свидетельство, доказательство*; бел. *пацвярджае, сведчыць, даказвае, пацверджанне, сведчанне, доказ* и др.) и алетической (рус. *обусловлено, очевидно, не случайно, закономерно, ясно, понятно, действительно, достоверно*; бел. *абумоўлена, відавочна, заканамерна, зразумела, не выпадкова, сапраўды* и др.). Естественно, что интенсивность аргументативного воздействия возрастает в случае совмещения в одной конструкции нескольких типов вербализаторов, как в примерах (5) и (6).

(5) *Стремление российской власти ограничить журналистику в ее действиях **подтверждает гипотезу о сохранении, как и в советские времена, жесткой вертикальной подчиненности. Кроме того, это свидетельствует о недостатке информации, которая циркулирует в политической системе, следовательно, о несовершенстве самой системы*** (ВСПБУ-1, с. 122).

(6) *Пасля навучання 75 % (старшакласнікаў)... прадэманстравалі сфарміраванасць сацыяльна значных станоўчых жыццёвых мэт, **што з'яўляецца сведчаннем гатоўнасці прыняць актыўны ўдзел у грамадскім жыцці. Гэта пацвярджаецца і з'яўленнем у большасці ўпэўненасці ў рэальнасці далейшай асобнай і прафесійнай самарэалізацыі, чаму будзе садзейнічаць адсутнасць пасля навучання ў 60 %... пацуця віны за свае ўчынкi***... (ВБДПУ, с. 47).

Необходимо отметить, что любые языковые средства, имеющие отношение к логике и ее основным формам (понятие, суждение, умозаключение), устойчиво ассоциированные с логикой и логичностью, так или иначе воздействуют на сознание воспринимающего субъекта научной аргументации, на оценку им степени доказательности (убедительности) аргументативного высказывания (текста). Это положение следует из риторической предпосылки: «яркая экспликация логических связей» убеждает адресата [4, с. 14]. Рационально-логическая сущность аргументативных вербализаторов очевидна. Примечательно, что эта характеристика закреплена и в стилистической парадигме: подобные языковые единицы традиционно рассматриваются как показатели «подчеркнутой логичности и связности» научного текста, его «когезии и когерентности». В современной (дискурсивной) стилистике они квалифицируются как «дискурсивные маркеры, обеспечивающие связность текста» (об этом см. в [7, с. 66–67]). Стоит также отметить, что подходы к анализу и систематизации таких языковых единиц в стилистике и аргументативной лингвистике принципиально различны.

Следует обратить внимание на то, что с нормативной точки зрения наличие вербальных индикаторов аргументации в научном рассуждении не имеет прямой корреляции с качеством обоснования, это лишь формальный показатель логичности дискурса. Рациональное воздействие усиливается только в тех случаях, когда вербализаторы адекватно отражают мыслительные операции, производимые аргументирующим субъектом (как, например, в (5)). В других же ситуациях (например, в (6)) такой эффект не наблюдается: присутствие языковых маркеров создает видимость логичности, однако фиксируемые вербально логико-смысловые связи, с точки зрения интерпретатора, неочевидны. Чтобы устранить возникшие сомнения, реципиенту необходимо произвести более глубокий критический анализ рассуждения. Это предполагает дополнительные интеллектуальные затраты и, соответственно, затрудняет аргументативное взаимодействие.

Вторым способом вербальной рационализации аргументирования служит **расстановка логических акцентов** с помощью смысловых усилителей. Эту функцию выполняют частицы (рус. *только, лишь, именно*; бел. *толькі, менавіта, іменна*) и образованные с их участием устойчивые языковые структуры (рус. *только если; только в (том) случае, если (когда); тогда (и только тогда), когда; только (лишь)*

при условии; лишь тогда; бел. *толькі тады; толькі ў тым выпадку, калі; менавіта адсюль вынікае; менавіта таму; менавіта з гэтага (і) пачынаецца* и т. п.).

В научном дискурсе эти языковые образования направляют внимание адресата на значимые по мнению аргументирующего субъекта аспекты содержания речи. Кроме того, они маркируют сильную каузальную связь – эквивалентность, выступая формальными показателями логической истинности. Эту функцию выполняют конструкции с некоторыми частицами (рус. *только, лишь*; бел. *толькі*), что демонстрируют примеры (7) и (8).

(7) ...Жертвой манипуляции человек может стать **лишь в том случае, если** он выступает как ее соавтор, соучастник. **Только если** человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели и начинает действовать по новой программе, манипуляция состоялась (ВМУ-1, с. 31).

(8) Чалавецтва здольнае развівацца **толькі ў тым выпадку, калі** яно задаецца пытаннем адносна магчымасці пашырэння сваёй пазнавальнай прасторы, неабходным механізмам чаго заўсёды выступала навука. **Менавіта** яна стварае новыя веды, рэагуе на іх сацыяльную запатрабаванасць (ВНАНБ-1, с. 5).

Заметим, что сходная трактовка данного вида языковых интенсификаторов аргументации отражается в работах по дискурсивной стилистике. В частности, М. П. Котюрова и Е. А. Баженова рассматривают частицы *только, лишь* как «дискурсивы», которые способствуют «фокусированию внимания читателя на актуальных моментах содержательно-фактуальной информации высказывания» и выражают таким образом «рационально-критическую направленность мышления...» [9, с. 69–70].

К третьей группе приемов, используемых в гуманитарных текстах для вербального усиления аргументации, мы относим **введение в дискурс средств интеллектуальной (рациональной) оценки**. В этой роли употребляются выражения, содержащие стандартные аксиологические акцентуаторы: рус. *большое (особое, принципиальное) значение, важная задача, ключевая роль, надежный критерий, существенная характеристика*; бел. *вялікае значэнне, істотная акалічнасць, значнае месца, відавочна выяўлены, грунтоўна распрацавана* и др.

Больший воздействующий эффект достигается благодаря включению в аргументирующее рассуждение клишированных конструкций, в состав которых входят адъективные и адвербиальные лексемы, выражающие высокую степень качества (рус. *очень важный факт, весьма показательно, особенно негативно*; бел. *вельмі актуальны, надзвычай важная роля, велізарны вопыт, вызначальны момант* и т. п.), в том числе суперлативные формы (рус. *важнейшая особенность, сложнейшая задача, наиболее эффективно*; бел. *найважнейшы аспект, адна са складанейшых праблем* и др.), а также образно-оценочные акцентуаторы (рус. *яркая иллюстрация, мощные эффекты, судьбоносная задача, весомый аргумент*; бел. *яркі прыклад, вострая праблема, яскрава сведчыць, выразна адлюстроўваецца* и др.).

Определение статуса подобных языковых единиц как рациональных интенсификаторов базируется не только на сделанных нами теоретических обобщениях фактуальных данных. Подтверждающие доводы можно также найти в проведенных ранее исследованиях, в частности публикациях В. И. Шаховского, касающихся категории эмотивности (см., например, [21]). Ученый заявляет о специфичности прагматики эмотивной лексики в научной прозе, ссылаясь при этом на результаты докторской диссертации Н. М. Разинкиной, полученные на материале английского языка еще в 1979 г., согласно которым в научном дискурсе «происходит угнетение эмотивного значения и его превращение в штампованное средство выражения авторской субъективной оценки» [21, с. 165]. Подчеркивается, что в научных текстах эмотивы «не являются эмоциональными интенсификаторами, их эмоциональная возбудимость в этих текстах “затухает”...» [21, с. 165]. Стоит заметить, что в иной методологической перспективе высказывается альтернативное мнение: например, М. П. Котюрова рассматривает подобные языковые единицы в ряду средств выражения «психологичности» научного текста (см. [8]). Противоречие между этими двумя точками зрения нейтрализуется, если принять во внимание экстралингвистическую обусловленность прагматики вербальных знаков в дискурсе.

Аргументативный потенциал каждого вербального усилителя устанавливается с опорой на контекст и ситуацию. В качестве значимых квалификационных факторов целесообразно учитывать в первую очередь регулярность, частотность, степень концентрации в рассуждении (тексте). Приведенные выше языковые модели привычны для гуманитарного дискурса. В силу повторяемости они приобретают структурную и смысловую устойчивость и, соответственно, статус дискурсивных клише. Многие из них воспринимаются как фразеологизированные выражения и пополняют корпус научных идиом, специфических для гуманитаристики.

Применение языковых средств, усиливающих аргументацию, регулируется правилом компетентного употребления аргументативных вербализаторов: используемые в обосновании языковые маркеры должны коррелировать с теми видами аргументативных связей, структур, отношений, которые они обозначают (см. [3, с. 204–209]). В противном случае запланированный эффект не достигается. Несоответствие семантики вербальных маркеров аргументации их прагматической роли приводит к дезориентации воспринимающего субъекта, «направляющегося по ложному пути», в результате чего возникает ошибка, которую мы назвали ложной навигацией. Одно из наиболее частых ее проявлений – использование фиктивных вербализаторов, т. е. употребление маркеров аргументации при фактическом отсутствии репрезентируемых ими значений.

Псевдовербализаторами могут оказаться разные типы языковых единиц с аргументативной семантикой – показатели тезиса, аргументов, схем аргументации и др. Их дисфункциональность особенно отчетливо проявляется в конструкциях с индикаторами каузации (в широком понимании), или «логического следования»: рус. *таким образом, следовательно, из этого следует, поэтому, потому, по этой причине*; бел. *такім чынам, з гэтага вынікае, таму, наколькі, бо* и т. п. Приведем несколько иллюстраций.

(9) *Изучение языка и речевых структур всегда происходило в тесной связи с контекстом их употребления... и потому контекстуализация может и должна рассматриваться как условие текстуальности*⁴ (ВТГУ-2, с. 83).

В примере (9) индикатор следования употребляется при фактическом отсутствии данного типа отношений: из дескриптивного суждения ошибочно выводится нормативное.

(10) *Аднак замест паняцця «менталітэт» ён [Карл Мангейм] выкарыстоўваў роднаснае яму паняцце «стыль мыслення»... Атаясамленне гэтых двух паняццяў наўрад ці магчыма, бо К. Мангейм акцэнтуюе ўвагу толькі на кагнітыўнай кампаненце стылю мыслення, у той час як паняцце ментальнасці, ці менталітэту, з'яўляецца больш шырокім...* (ВНАНБ-3, с. 17).

В примере (10) маркер каузации соединяет части объясняющего рассуждения, которые в действительности не связаны отношениями причинности.

(11) *Сучаснае развіццё адукацыі цесна звязана з хуткім развіццём навукі і тэхнікі, навейшымі інфармацыйнымі тэхналогіямі. І любая прафесійная адукацыя павінна быць не толькі якаснай, але і адпавядаць патрабаванням сацыяльнай, палітычнай і эканамічнай рэальнасці, арыентавацца на запатрабаванні практыкі* (ВБДУ, с. 103).

В примере (11) показатель градационных отношений не выполняет свою функцию: представленное наполнение аргументативной модели свидетельствует о том, что здесь имеют место одноуровневые (пояснительные) отношения.

Псевдовербализация может сочетаться с неадекватным акцентированием.

(12) *Одним из средств, обеспечивающих автору возможность эффективно реализовать стоящие перед ним задачи взаимодействия с профессиональным коллективом, являются ЭМС и ЭМВ [эпистемические модальные слова и выражения]. Они открывают дискурсивное пространство вежливой некатегоричной аргументации... Именно поэтому можно сказать, что критическое оценивание содержания чужих утверждений разворачивается в научной письменной коммуникации в ограничительно-уступительном модусе* (ВСПБУ-2, с. 602).

В примере (12) представлена конструкция с двойным усилением: употребление вербализаторов тезиса и каузальной связи совместно с логическим акцентуатором призвано максимально интенсифицировать аргументацию. Однако, как показывает анализ, данные маркеры используются фиктивно: заявленная точка зрения в действительности не следует из приведенных посылок.

В ситуациях, подобных примерам (10)–(12), рациональное усиление аргументации не происходит. Более того, имеет место противоположный эффект: обнаружение несоответствия логических связей и репрезентирующих языковых структур ослабляет аргументативное воздействие.

2.2. Для рациональной поддержки обоснования в письменном дискурсе используются, наряду с вербальными, также **несловесные (визуальные) формы представления конститuentов аргументации**.

В рамках социальной семиотики отмечается, что к настоящему времени «социальная наука выработала свои весьма специфические формы визуализации полученных ею научных результатов, коренным образом отличающиеся от знаковых средств, используемых в естественных, точных и технических

⁴Следует отметить, что в данном примере пропущенный фрагмент рассуждения не релевантен для проводимого анализа и не влияет на его результат. То же относится к примерам (10) и (12).

науках» [10, с. 42]. Это утверждение представляется релевантным для всего спектра социально-гуманитарных наук. Невербальные компоненты аргументации включаются в научные гуманитарные тексты в виде таблиц, схем, графиков, рисунков, фотографий и пр. Несмотря на широкую представленность визуальных средств в письменной научной коммуникации, они до сих пор не исследовались в аргументологическом аспекте. В отсутствие разработанных аналитических процедур, применимых к такого рода семиотическим единицам в гуманитаристике, предложим авторский подход к их интерпретации.

На наш взгляд, параметры анализа и критерии оценки визуальных элементов аргументативного дискурса целесообразно определять исходя из их прагматической роли. В соответствии с авторской концепцией, в письменном гуманитарном дискурсе визуальные средства выполняют две функции. Во-первых, они могут использоваться в составе аргументативных конструкций в качестве конститuentов аргументации (репрезентантов тезиса и (или) аргументов). Как правило, в научных текстах визуальные доводы формируют схемы аргументации. В частности, они широко применяются в разных типах классификационных схем, например дефинитивных: фото, рисунки, формулы выступают в роли так называемых остенсивных определений (через показ, демонстрацию). Для схем, основанных на отношениях род – вид, целое – часть, характерно визуальное представление результатов систематизации научных объектов (классификаций и типологий). Визуальные доводы являются неизменными компонентами фактуальных схем: обобщающих (табличный способ представления примеров, количественных (статистических) данных), подтверждающих (иллюстрации в виде рисунков, фото, графиков, диаграмм и пр.), аналогических (сопоставление объектов анализа (тех или иных явлений и ситуаций) с привлечением всевозможных визуальных приемов). Визуализироваться могут также каузальные связи в рамках причинно-следственных схем обоснования.

Вторая функция невербальных компонентов связана с их применением в качестве аргументативного ресурса: они поясняют, уточняют словесные доводы, создавая дополнительную поддержку аргументации. Для этого в гуманитарных текстах задействуются все названные выше приемы визуализации, которые позволяют аргументатору достичь конкретности, наглядности изложения и, соответственно, сделать обоснование более убедительным для адресата.

В любом случае представляется очевидным, что подключение дополнительного – визуального – канала передачи и восприятия информации призвано усилить воздействие на реципиента. Тем не менее установление прагматики несловесных единиц в научном дискурсе принципиально важно, поскольку это служит основанием для их критического анализа и оценки. Если визуальные компоненты выполняют собственно аргументативную функцию, то они подлежат оценке наравне с вербальными доводами. Это означает, что к ним применимы такие критерии, как достоверность, релевантность, достаточность, а также критические вопросы, тестирующие разные типы схем аргументации (см. [3, с. 69–95]).

Безусловное преимущество использования невербальных аргументов в научно-гуманитарной статье – возможность экономии текстового пространства. Это важно, поскольку отвечает современным тенденциям информационного обмена – стремлению коммуникантов «к сокращению текстового пространства при сохранении информационного поля (а иногда даже его увеличении)» [14, с. 188]. В научной коммуникации, для которой данный принцип особенно значим, нередко наблюдается обратное: за счет неоправданного применения несловесных элементов пространство текста увеличивается, а информативность снижается. Это происходит, если визуальные доводы выступают как самоцель, без учета требований к формированию аргументативных схем и структур. В таких случаях они дублируют словесные формулировки, в результате чего смысловая плотность текста уменьшается.

Если невербальным средствам отводится парааргументативная (вспомогательная) роль, то они должны подчиняться правилу целесообразности аргументативного ресурса: их введение в аргументацию должно быть стратегически оправданным. В противном случае вспомогательные (ресурсные) компоненты дискурса не выполняют свою функцию и квалифицируются как мнимая поддержка. Проявлениями этой тактической ошибки выступают избыточность, неуместность ресурса, а также его низкое качество (усложненность либо упрощенность) (см. [3, с. 211–214]).

Как показал анализ, далеко не всегда используемые в научно-гуманитарных текстах таблицы, схемы, графики и другие невербальные элементы способствуют уточнению, пояснению, конкретизации вербальной аргументации. Нередки случаи, когда несловесные компоненты выполняют в дискурсе исключительно декоративную функцию. Это происходит, если стремление автора научной статьи визуализировать результаты своего исследования опирается не столько на рационально-логические основания, сколько на психологические. Очевидно, что невербальные семиотические средства (в первую очередь формулы, схемы, диаграммы, таблицы и т. п.) создают впечатление точности, строгости, системности изложения, т. е. устойчиво ассоциируются с теми качествами, которые соответствуют представлениям о научности. Включение в аргументирующее рассуждение визуальных компонентов – один из простых

и проверенных способов повысить «градус научности» текста. Это своеобразный компенсаторный механизм, позволяющий гуманитаристике преодолевать свой «комплекс» на фоне точных наук.

Говоря о репрезентационных способах усиления аргументации с нормативной точки зрения, необходимо учитывать, что экспликация логических связей «может диктоваться собственно коммуникативными соображениями (педалирование логических связей для облегчения понимания), а может являться самоценной категорией. Причем ценность ее, как это ни странно звучит, – эстетическая» [4, с. 14]. Это утверждение в равной мере справедливо по отношению и к вербальным, и к невербальным приемам объективации аргументативных структур. Следует иметь в виду, что немотивированное применение рассмотренных приемов служит признаком квазинаучности гуманитарных текстов. В любом случае оценка должна производиться с учетом контекста и коммуникативной ситуации.

3. На **метатекстовом уровне** рациональное усиление научной аргументации осуществляется за счет разного рода **типографических средств, участвующих в оформлении печатного речевого продукта**. Значительная их часть относится к метаграфемике – вспомогательной функционально-адаптивной системе письменной сферы коммуникации, объединяющей неязыковые семиотические единицы (см. [11–14]). Необходимо заметить, что в современной коммуникативной ситуации под влиянием устной речи, а также благодаря стремительному инновационно-техническому развитию письменный печатный текст становится важнейшей формой нелинейного взаимодействия участников дискурса. Эта функция обеспечивается применением различных каналов коммуникативной связи, в том числе метаграфематических, или метаграфических⁵. Специалисты отмечают, что «метаграфическое оформление текста является одним из способов упаковки смысла, который отправитель включает в акт коммуникации» [14, с. 186].

В научном дискурсе, как и в других сферах социальной практики, метаграфические единицы прагматически нагружены, т. е. задействованы в реализации определенных тактико-стратегических задач коммуницирующих субъектов. Естественно, что характерная для аргументативной коммуникации прагматическая установка на убеждение так или иначе предполагает использование метаграфических средств. Усилению рационального воздействия аргументации в гуманитарных научных текстах способствуют, в частности, многообразные приемы супраграфемике, такие как шрифтовое варьирование (выделение полужирным, курсивом, разрядкой; изменение размера и типа шрифта), подчеркивание, разные типы скобок, символических обозначений (в том числе в составе маркированных и нумерованных списков) и др. Для организации пространства научной статьи традиционно применяются вертикальные и горизонтальные пробелы. Кроме того, в проанализированных научных публикациях были отмечены также внутритекстовая рубрикация, анонсирование и выноски.

Стоит заметить, что использование названных ресурсов типографики специфично для каждого научного журнала: репертуар средств, а также способы их комбинирования определяются коммуникативным стилем издания. Большинство типографических инструментов общеупотребительны: они зафиксированы во всех журналах, послуживших источником фактического материала. Однако выявлены и такие приемы, которые не имеют широкого распространения и характерны лишь для нескольких изданий. Речь, в частности, идет об анонсировании и выносках, которые практикуются в отечественном журнале «Беларуская думка», а также в российском издании «Национальный психологический журнал». Суть названных приемов типографики заключается в обособлении отдельных фрагментов текста, содержащих значимую в определенном аспекте информацию. Обособленные сегменты размещаются в препозиции по отношению к основному тексту либо локализируются в других частях текстового пространства (чаще центральной). Как правило, это сопровождается супраграфическим акцентированием: шрифтовым, символическим и пр.

Примечательно, что в научных публикациях невербально акцентируются те смысловые фрагменты, которые выступают в роли тезиса и (или) доводов аргументации. Это обуславливает значительный прагматический потенциал типографических ресурсов в плане интенсификации аргументативного воздействия.

Не вызывает сомнений, что «рациональное использование метаграфических средств делает письменный текст более мотивированным и прагматически выразительным» [13, с. 188]. Это особенно важно для научных текстов, рассчитанных на критический анализ, который опирается на адекватную реконструкцию заложенной (закодированной) в тексте информации. Невербальные акцентуаторы фокусируют внимание реципиента на аргументативных доминантах рассуждения и создают когнитивные опоры для их восприятия, понимания и запоминания, причем такая метатекстовая обработка («мета-

⁵Понятийная система в данной области пока не сформирована – выбор терминов определяется индивидуальными предпочтениями исследователей (ср., например, [11–14]).

графическая аранжировка», по выражению Н. Л. Шубиной) в равной степени значима в отношении как вербальных, так и визуальных компонентов аргументативного дискурса.

Рассмотрение метатекстовых приемов рационализации аргументирования в критическом измерении показывает, что отнюдь не все они достигают того прагматического эффекта, на который рассчитаны. В случаях необдуманного применения средства метаграфемике отвлекают (рассеивают) внимание адресата, что неизбежно приводит к смысловым искажениям и потерям, соответственно, рационального усиления аргументации не происходит. Полученные результаты схожи с выводом, сделанным Н. Л. Шубиной в рамках невербальной семиотики: «...немотивированное использование метаграфем ведет к усложнению языкового механизма, к искажению передаваемой информации и, как следствие, к непониманию» [13, с. 189].

Опыт научной публикационной деятельности позволяет утверждать, что выбор метаграфических инструментов и в целом метатекстовое (типографическое) представление публикации в значительной степени обусловлены форматом научного издания, в том числе типографскими ресурсами. В такой ситуации необходимо соблюдать паритет интересов автора и редакции: стремиться по возможности сохранять авторскую индивидуальность ученого (аргументативный стиль исследователя). Это особенно важно для гуманитариев в современных условиях стандартизации научной продукции.

Заключение

В целях интенсификации рационального воздействия в письменном русско- и белорусскоязычном дискурсе гуманитарных наук применяются структурные, репрезентационные и метатекстовые механизмы, коррелирующие с определенными уровнями анализа аргументирования.

В качестве средств структурного усиления выступают систематизация изложения, использование сложных аргументативных структур (подчинительной, сочинительной, множественной) и особых способов структурирования аргументации (аргументативного повтора, аргументативной градации, аргументативного периода).

Репрезентационное усиление аргументации осуществляется вербально и невербально. Функцию вербальной рационализации выполняет логико-смысловое акцентирование: языковая маркировка конститuentов аргументации, ее форм, схем, структур, стратегий, тактик; расстановка логических акцентов с помощью языковых интенсификаторов; введение в дискурс средств интеллектуальной (рациональной) оценки. Для невербальной поддержки обоснования используются различные формы визуализации, участвующие в формировании аргументативных конструкций либо аргументативного ресурса: таблицы, схемы, графики, рисунки, фотографии и др.

Метатекстовая рационализация происходит за счет комплекса участвующих в оформлении печатного речевого продукта типографических средств, значительная часть которых относится к метаграфемике: шрифтовое варьирование, подчеркивание, разные типы скобок, символических обозначений, вертикальные и горизонтальные пробелы и др.

Использование в письменном гуманитарном дискурсе приемов, усиливающих рациональное воздействие, отвечает требованиям научной аргументации и отражает специфику гуманитарной лингвокреативной деятельности. Данные приемы в той или иной степени влияют на когнитивные процессы (внимание, восприятие, понимание и др.), актуализируют интеллектуально-логические доминанты мышления, способствуют системности представления аргументативного содержания и, таким образом, рациональной поддержке аргументации. Применение в письменной коммуникации рассмотренных интенсифицирующих механизмов создает впечатление компетентности аргументатора и, кроме того, соответствует эстетическим ожиданиям адресата – его представлению о том, как должна выглядеть качественная научная продукция.

Необходимым условием прогнозируемого прагматического эффекта разноуровневых средств рационализации служит целесообразность включения их в научный текст. Злоупотребление такого рода приемами, равно как их недостаточность либо отсутствие, а также неоправданное их использование рассматриваются как проявления квазинаучности, ослабляющие аргументативное воздействие. Важно подчеркнуть, что для каждого типа интенсификаторов аргументации применяется специфический аналитический инструментарий и объективность критического анализа предусматривает опору на широкий контекст и учет ситуативных факторов.

Значимую роль в усилении аргументативного воздействия научной публикации играет кооперация автора статьи и редакции научного издания. Только согласованное компетентное участие заинтересованных сторон позволяет рассчитывать на оптимальное использование всего комплекса рационализирующих ресурсов и создание качественного научного продукта, обладающего интеллектуальной (рациональной) эстетикой – свойством, необходимым для успешной реализации прагматики аргументирования в письменном дискурсе гуманитарных наук.

Сокращения

ВБДПУ – Зайцаў І. С. Удасканалванне працэсу сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі старшакласнікаў з цяжкімі парушэннямі маўлення // Вест. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2005. № 1. С. 47–50; **ВБДУ** – Басава Г. І. Журналісцкая адукацыя ў сістэме павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў: прыярытэты і перспектывы // Вест. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2011. № 2. С. 103–105; **ВМУ-1** – Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2005. № 1. С. 29–54; **ВМУ-2** – Засурский Я. Н. Информационное общество в России: парадоксы элитарного Интернета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2001. № 6. С. 4–13; **ВНАНБ-1** – Лазаревич А. А. Ад інавацый у навуцы да інавацый у грамадстве // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2007. № 1. С. 4–9; **ВНАНБ-2** – Лазаревич А. А. Інфармацыйныя пагрозы сучаснасці // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2010. № 1. С. 5–11; **ВНАНБ-3** – Навумаў Д. І. Значэнне менталітэту ў генезісе палітычнай культуры беларусаў // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2002. № 4. С. 17–18; **ВСПБУ-1** – Вертешин А. И. Российская журналистика периода новейшей трансформации – властная система или служение политической власти? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9, Филология, востоковедение, журналистика. 2005. Вып. 4. С. 114–124; **ВСПБУ-2** – Нефёдов С. Ф. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 4. С. 599–610; **ВТГУ-1** – Баркович А. А. Русско-белорусская межязыковая интерференция и трясня: компьютерно-опосредованная верификация и научная рефлексия // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 69. С. 5–28; **ВТГУ-2** – Нефёдов С. Ф., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 63. С. 83–97; **НИК** – Бабинцев В. П. «Антиинтеллигенция» и «неинтеллигенция» в структуре работников умственного труда // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 5. С. 106–114.

Библиографические ссылки

1. Blair JA. Argumentation as rational persuasion. *Argumentation*. 2012;26(1):71–81. DOI: 10.1007/s10503-011-9235-6.
2. van Eemeren FH, Garssen B, Krabbe ECW, Snoeck Henkemans AF, Verheij B, Wagemans JHM. Argumentation theory. In: van Eemeren FH, Garssen B, Krabbe ECW, Snoeck Henkemans AF, Verheij B, Wagemans JHM. *Handbook of argumentation theory*. Dordrecht: Springer; 2014. p. 1–49. DOI: 10.1007/978-90-481-9473-5.
3. Савчук ТН. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск: БГУ; 2018. 279 с.
4. Хазагеров ГГ. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс. *Социологический журнал*. 2010;2:5–21.
5. Беляева ЛН, Шубина НЛ. Научная статья как объект экспертной оценки. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2014;172:5–12.
6. Чернявская ВЕ. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики). *Жанры речи*. 2016;1:56–64. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64.
7. Резанова ЗИ, Когут СВ. Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте: этнокультурные и дискурсивные детерминации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016;1(39):62–79. DOI: 10.17223/19986645/39/6.
8. Котюрова МП. О модели «качество научного текста» (к уточнению понятия «логичность – психологичность»). *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2019;5(1):6–15. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-6-15.
9. Котюрова МП, Баженова ЕА. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020;64:63–75. DOI: 10.17223/19986645/64/5.
10. Щербин ВК. Меметика как новая междисциплинарная наука и направление социальной семиотики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4:40–47.
11. Баранов АН, Паршин ПБ. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики. В: Березин ФМ, Безменова НА, Лузина ЛГ, составители. *Проблемы эффективности речевой коммуникации*. Москва: ИНИОН; 1989. с. 41–115.
12. Баранов АН, Паршин ПБ. О метаязыке описания визуализаций текста. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2018;17(3):6–15. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.1.
13. Шубина НЛ, Антошинцева МА. *Вспомогательные семиотические системы в устной и письменной коммуникации*. Санкт-Петербург: ПетроПресс; 2005. 291 с.
14. Шубина НЛ. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки»*. 2009; 97:184–192.
15. Blair JA. Probative norms for multimodal visual arguments. *Argumentation*. 2015;29:217–233. DOI: 10.1007/s10503-014-9333-3.
16. Godden D. Images as arguments: progress and problems, a brief commentary. *Argumentation*. 2015;29:235–238. DOI: 10.1007/s10503-015-9345-7.
17. Groarke L. Going multimodal: what is a mode of arguing and why does it matter? *Argumentation*. 2015;29:133–155. DOI: 10.1007/s10503-014-9336-0.
18. Ивин АА. *Логика*. Москва: ФАИР-ПРЕСС; 2001. 320 с.
19. van Eemeren FH, Grootendorst R. *Argumentation, communication, and fallacies: a pragma-dialectical perspective*. Hillsdale: Erlbaum; 1992. 236 p.
20. Савчук ТН. Особые приемы структурирования аргументации в дискурсе гуманитарных наук. В: Кураш СБ, редактор. *Текст. Язык. Человек*. Мозырь: Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина; 2019. с. 185–189.
21. Шаховский ВИ. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва: URSS; 2009. 204 с. Совместно с издательством «Либроком».

References

1. Blair JA. Argumentation as Rational Persuasion. *Argumentation*. 2012;26(1):71–81. DOI: 10.1007/s10503-011-9235-6.
2. van Eemeren FH, Garssen B, Krabbe ECW, Snoeck Henkemans AF, Verheij B, Wagemans JHM. Argumentation theory. In: van Eemeren FH, Garssen B, Krabbe ECW, Snoeck Henkemans AF, Verheij B, Wagemans JHM. *Handbook of argumentation theory*. Dordrecht: Springer; 2014. p. 1–49. DOI: 10.1007/978-90-481-9473-5.
3. Savtchouk TN. *Argumentatsiya v russko- i belorusskoyazychnom nauchno-gumanitarnom diskurse* [Argumentation in the Russian and Belarusian language scientific and humanitarian discourse]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 279 p. Russian.
4. Hazagerov GG. The meaninglessness of scientific discourse as an objective process. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2010;2:5–21. Russian.
5. Belyaeva LN, Shubina NL. Scientific article as an object of peer review. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. 2014;172:5–12. Russian.
6. Schernyavskaya VE. Research article as a verbalization of a new scientific result (based on linguistics). *Zhany rechii*. 2016;1:56–64. Russian. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64.
7. Rezanova ZI, Kogut SV. Functioning of discourse markers in a scientific text: ethnocultural and discursive determinations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2016;1(39):62–79. Russian. DOI: 10.17223/19986645/39/6.
8. Kotyurova MP. On the model «quality of scientific text» (to clarify the concept of «consistency – psychological»). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 2019;5(1):6–15. Russian. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-6-15.
9. Kotyurova MP, Bazhenova EA. Particles-discourses in the aspect of critical thinking of a journalist. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2020;64:63–75. Russian. DOI: 10.17223/19986645/64/5.
10. Shcherbin VK. Memetics as a new interdisciplinary science and the branch of social semiotics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:40–47. Russian.
11. Baranov AN, Parshin PB. [Influence capability of variation in the field of metagraphemics]. In: Berezin FM, Bezmenova NA, Luzina LG, compilers. *Problemy effektivnosti rechevoy kommunikatsii* [Problems of the effectiveness of speech communication]. Moscow: INION; 1989. p. 41–115. Russian.
12. Baranov AN, Parshin PB. Towards the metalanguage for describing text visualizations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. 2018;17(3):6–15. Russian. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.1.
13. Shubina NL, Antoshinceva MA. *Vspomogatel'nye semioticheskie sistemy v ustnoi i pis'mennoi kommunikatsii* [Auxiliary semiotic systems in oral and written communication]. Saint Petersburg: PetroPress; 2005. 291 p. Russian.
14. Shubina NL. Text's non-verbal semiotics: field of linguistic knowledge. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena. Seriya «Obshchestvennye i humanitarnye nauki»*. 2009;97:184–192. Russian.
15. Blair JA. Probative norms for multimodal visual arguments. *Argumentation*. 2015;29:217–233. DOI: 10.1007/s10503-014-9333-3.
16. Godden D. Images as arguments: progress and problems, a brief commentary. *Argumentation*. 2015;29:235–238. DOI: 10.1007/s10503-015-9345-7.
17. Groarke L. Going multimodal: What is a mode of arguing and why does it matter? *Argumentation*. 2015;29:133–155. DOI: 10.1007/s10503-014-9336-0.
18. Ivin AA. *Logika* [Logic]. Moscow: FAIR-PRESS; 2001. 320 p. Russian.
19. van Eemeren FH, Grootendorst R. *Argumentation, communication, and fallacies: a pragma-dialectical perspective*. Hillsdale: Erlbaum; 1992. 236 p.
20. Savtchouk TN. Special techniques for structuring argumentation in the discourse of the humanities. In: Kurash SB, editor. *Tekst. Yazyk. Chelovek* [Text. Language. Human]. Mzyr: Mzyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin; 2019. p. 185–189. Russian.
21. Shakhovskii VI. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorisation of emotions in the lexical-semantic system of the language]. Moscow: URSS; 2009. 204 p. Co-published by the «Librokom». Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.11.2021.
Received by the editorial board 24.11.2021.